

Weisse Woche

Г. КАУФМАНЪ и Ко, Известковая 9, Городской Ломбардъ

Еще только 3 исключительных дня!!! Все бльевые товары неслыханно дешево!

Сильна, какъ смерть...

Въ четвертой книжкѣ парижскаго трехмѣсячника «Окно», которая выйдетъ въ первой половинѣ января, помѣщенъ рассказъ И. Бунина «Въ ночномъ морѣ».

Простой, какъ будто совсѣмъ несложный по фабулѣ, рассказъ этотъ легко, долго влечетъ за собою взволнованную имъ душу читателя, какъ большой корабль длинную и сматенную водяную дорожку.

На пароходѣ, шедшемъ изъ Одессы на Кавказъ, и останавливавшемся ночью у Евпатори, встрѣтились два человѣка. Жендина когда-то встала между ними.

Но узнавъ другъ друга въ темнотѣ на палубѣ, разговорились тихо, серьезно, и ни одинъ, ни другой не ощутилъ въ себѣ ни злости, ни страха, ни жажды мести. А между тѣмъ, вся чапа мукъ, которую суждено испытать человѣку, выпита была въ свое время до дна однимъ изъ двухъ пассажировъ.

И причинившій ему эти муки, вспоминаетъ: — Какой ужасъ, въ сущности, причинить я вамъ. Воображаю, что вы пережили.

— Да, и даже гораздо больше, чѣмъ вы можете вообразить. И вообще-то это ужасно, весь тотъ кошмаръ, который переживаетъ мужчина, любящий, мужъ, у котораго отняли, отбили жену и который по цѣлымъ днямъ и ночамъ, почти непрерывно, ежеминутно корчится отъ мукъ самозабвѣ, страшныхъ ревнивыхъ представлений о томъ счастьѣ, которое испытываетъ его соперникъ, и отъ безнадежной, безысходной нѣжности, — вѣрнѣе, половой умиленности, — къ потерянной самкѣ, которую хочется въ одно и то же время и задуть съ самой лютой ненавистью, и осыпать самыми унижайшими знаками истинно-собакой покорности и преданности. Это вообще несказанно ужасно. А вѣдь я къ тому же не совсѣмъ обычный человѣкъ, особю съ повышенной чувствительностью, съ повышеннымъ воображеніемъ. Вотъ тутъ и представьте, что я переживалъ въ течение цѣлыхъ годовъ.

Лѣтняя ночь на морѣ, темная, теплая, и вся сложная жизнь парохода, на которомъ каждый человѣкъ, каждый винтъ и каждое колесо, живутъ особой жизнью, и въ то же время общей, хрѣлкой спайкой, переданы съ чисто-буниновскимъ неподражаемымъ мастерствомъ.

Изъ глубоко-мудрыхъ въ простотѣ своей словъ встаетъ страшная драма, словавшая человѣка, сильнаго, талантливаго человѣка, который пытается убедить себя въ томъ, что все забыто, все прошло и даже не стало милымъ.

Женщина умерла. И тотъ образъ, который озаиритъ когда-то жизнь позднѣе покинутого ею человѣка, унесла она съ собою. Онъ едва не спился,

надорвалъ здоровье, волю, потерялъ пору самаго яркаго разцвѣта силъ, таланта.

«Вы меня, говоря безъ всякаго преувеличенія, просто поподамъ переломили. Я спросилъ, конечно, да что толку...» Но при вѣсти о ея смерти ни одна струна не дрогнула въ его сердцѣ. — Онъ не могъ даже связать образа умершей женщины, съ той, другою...

«Та самая, которую помнила душа моя, была моя первая и такая жестокая, многолѣтняя любовь. Я узналъ ее въ пору ея наивысшей прелести, невинности, и той почти отроческой доверчивости и робости, которая потрясаетъ сердце мужчины несказанно, потому, можетъ быть, что во всякой женственности должна быть эта доверчивая безпомощность, что-то дѣтское, знакъ того, что дѣвушка, женщина всегда таитъ въ себѣ будущее дитя. И вѣдь это мнѣ перерому, въ какомъ-то божественномъ блжнствѣ и ужасѣ, отдавала она истинно все, что даровалъ ей Богъ, и вѣдь это ея дѣвичье тѣло, то есть самое прекрасное, что есть въ мѣрѣ, миллионы разъ цѣловалъ я въ такомъ изступленіи, равного которому не было во всей моей жизни. И вѣдь это изъ-за нея сходила я съ ума буквально день и ночь, цѣлые годы. Изъ-за нея плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, покушался на самоубійство, цингъ, загонялъ лихачей, въ ярости уничтожалъ лучшихъ, цѣнящихъ, можетъ быть, работы... Но вотъ прошло двадцать лѣтъ, и я тупо смотрю на ея имя въ траурной рамкѣ...

Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,

равнодушно я внималъ ей... Конецъ этого чудеснаго рассказа, исполненнаго глубокаго, скорбнаго лиризма, надо прочесть цѣликомъ для того, чтобы проникнуться его мудрой, грустною примиряющей съ утратами и крестными муками прозаго.

Да, и только талантъ И. Бунина могъ, пожелавъ, возстановить въ ея исконныхъ, въ ея извѣчныхъ правахъ власть надъ человѣкомъ любви, которая всегда была и будетъ сильна, какъ смерть...»

Арсеній Меричъ.

Пишущія «КОНТИНЕНТАЛЬ» машины признаны наилучшими въ мѣрѣ. Главный представитель: С. Липпертъ, Рига, Бл. Песочная 4. Телефонъ 59-97.

обернуть, онъ былъ очень милъ и временами нѣсколько забавенъ, но не столько по существу, сколько по формѣ, тоже слегка старомодной, и по-калужу чуть-чуть сантиментальной.

Мнѣ все же было любопытно узнать, что собственно заставило ихъ въ такой зной предпринять это утомительное путешествіе и безъ особенныхъ ухищреній съ моей стороны, я услышалъ простую, но очень трогательную и не совсѣмъ обыкновенную по нашимъ временамъ исторію.

II.

— Много лѣтъ тому назадъ, онъ, двадцатипятилѣтній коммивояжеръ и она, семнадцатилѣтняя бонна, сопровождавшая изъ Каира въ Филе, или, какъ онъ выразился — въ древнія Фивы, большую почтама даму съ ея маленькой дочкой, познакомились, вотъ также въ вагонѣ, какъ разъ въ такой же апрѣльскій день. У нихъ этотъ счастливый день былъ, конечно, записанъ съ нѣмцовой аккуратностью. Детальное все понятно само собою.

Величье древности въ ея божественныхъ останкахъ, знойный воздухъ, какъ бы пропитанный солнечной любовью царей и полубоговъ, и самый Нилъ — рѣка плодородія и сладострастія, помогли этой любви созрѣть въ очень короткое время, хотя брачное свое завершение она получила лишь черезъ семь лѣтъ, когда матеріальныя обстоятельства позволили осуществить ихъ общую мечту для обоюднаго и долговременнаго счастья.

И вотъ теперь, черезъ десятки лѣтъ они совершаютъ это падоимчивство къ священнымъ для нихъ мѣстамъ, гдѣ впервые было сказано имя вѣчноценное слово...

— Это было въ Карнакѣ, — добродушно пояснилъ старикъ, — у подножья какого-то храма съ котораго на другой день я снялъ фотографію.

— Фотографію, — прозвучало ея зѣво.

И они обмѣнялись такимъ долгимъ взглядомъ, что на ихъ глазахъ показалась влага.

Но, не желая давать волю овладевшей ими слабости старикъ шепельнулъ отщипнутыми губами и обратился къ ней:

— А помнишь, какъ мы тогда въ сумеркахъ заблудились при выходѣ изъ Карнака?

И съ улыбкой, похожей на его улыбку, она повторивъ послѣдній слова прибавила:

— И все же ты нисколько не испугался, даже тогда, когда мы попали въ каюту то деревушку вѣсто Фивъ, а вѣдь тамъ могли быть разбойники.

— О, я не такіе виды видывалъ, храбро потирая головой старикъ, кромѣ того я всегда носилъ и ношу съ собой револьверъ.

— Но дикари (старушка всѣхъ черныхъ называла дикарями), оказались очень добрыя люди, нѣкоторые изъ нихъ даже говорили немного по англійски и по французски.

— И по нѣмецки также.

— И по нѣмецки также — и они напоили насъ молокомъ, а толпа маленькихъ дѣтей провожала до самаго Филе и требовала бакшишъ.

— И мы кормили ихъ шоколадомъ.

— Шоколадомъ и ты рождалъ имъ тогда не мѣнѣе пяти марокъ.

— О, могли для меня въ тотъ вечеръ ты либо значить марки.

Старушка умиленно покачала головой. Сколько разъ за свою долгую жизнь они вотъ такъ перебрали эти мелочи воспоминаній. На мгновение задумавшись она какъ бы въ нѣкоторомъ удивленіи добавила:

— Они теперь уже взрослые эти дикарята.

— Да, да въ самомъ дѣлѣ.

И старикъ задумчиво покачалъ головами. Теперь они повторяли этотъ путь съ такой точностью, что даже остановились на той самой станціи, гдѣ задержались и тогда, чтобы осмотрѣть развалины какого-то древняго города, а теперь съ волненіемъ ждали приближенія къ Фивамъ. Приди и поклонись божественнымъ мѣстамъ. Мы въ жизни странники и, обесцѣлвъ нынѣ, Благословеніе находимъ снова тамъ, Гдѣ создала судьба заветныя святыни. Такъ путникъ, вызвавшій источникъ средъ пустынь Самъ много лѣтъ спугота прильнетъ къ его струямъ

О чемъ дальше распространяться, что можно еще прибавить къ этому въ видѣ поясненія или поученія. Однако у жизни нашлось нѣчто.

А. ВЕДОРОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Манекены.

(Переводъ съ французскаго.)

Прібытіе почты развязало языки. Когда качка настолько сильна, что бутылки и стаканы переворачиваются на стоги, несмотря на всѣ принятые мѣры предосторожности, каждый старается удерживать въ равновѣсіи свою посуду и не имѣетъ желанія разговаривать. Мы молчали такимъ образомъ всѣ семь дней стоянки въ Могодорѣ: прошло ровно семь дней съ момента прихода дежурнаго миноносца, привезшаго послѣднюю почту. Послѣдняя почта — послѣдняя возможность нарушить тягостное молчаніе, обмѣниваясь журналами, газетами, дѣлая впечатлѣніями отъ полученныхъ писемъ...

Почтальонъ неожиданно зашелъ въ каюту. Онъ несъ въ рукѣ сѣрый холщевый мѣшокъ, припечатанный гербомъ республики, и почтительно положилъ его на квадратный столикъ каюты-компани. Въ одну секунду всѣ вскочили на ноги.

Маленькій Верль, мичманъ, оставившій въ Франціи молодую жену, съ которой онъ повѣнчался три недѣли тому назадъ — первый протягиваетъ перочинный ножъ къ мѣшку. Фаргъ, — лейтенантъ-артиллеристъ, проводившій свободное отъ службы время за переводомъ Конфуція, опрокинулъ мѣшокъ и разбрѣдалъ его. Каждый захватилъ свою пачку писемъ и спрятался въ свой уголокъ, — такъ дѣлаютъ очень голодные дикіе звѣри, когда сторожъ бросаетъ имъ мясо...

Прочитавъ письма, офицеры начинаютъ дѣлать впечатлѣніями. Барклея, минный кондукторъ, интересующійся исламомъ, подлаживающійся къ драгоманамъ французской миссіи въ Могодорѣ, надѣясь съ ихъ помощью проникнуть въ его тайны, Барклея потрясаетъ газетнымъ листомъ:

— Прочтите ваши первые ушн, о гуяры!.. Знаете ли вы, что послѣ нападенія на Мекинецъ, возставшія племена разгромили все еврейское населеніе его окрестностей и повезли еврейскихъ женщинъ на рынокъ въ Ларашъ?

— Конечно, знаемъ. Здѣсь развѣ только испанскій гарнизонъ ничего про это не слышалъ. Да и то не по своей винѣ: въ этотъ день они позировали для кинематографа, въ полной формѣ и съ саблями нагоду.

— Это ихъ право. Но поговоримъ о Ларашскомъ рынкѣ. Знаете, по какой цѣнѣ продавались женщины изъ Мекинца?..

— ...?

— По девяти франковъ дюжина!

Слушателей не легко было удивить; каждый изъ нихъ, во время своихъ странствованій вокругъ свѣта, встрѣчалъ вещи, которые показались бы невѣроятными въ Парижѣ. Однако, это извѣстіе ихъ изумило.

— Девять франковъ за дюжину, — замѣтилъ одинъ изъ нихъ, — это не дорого, курсъ очень не высокій!..

— Продавцы, должно быть, прогорѣли, — замѣтилъ великанъ Родье, не разъ проитрывавшій на биржѣ свое жалованье.

— Э! — заключилъ Барклея. — Ларашскіе торговцы не ошибались: ни въ какой странѣ женщина не стоитъ дороже... пятнадцати су*).

Никто не возражалъ Барклею, только маленький Верль, читавшій писемло, пожалъ плечами.

Родье дѣвно говоритъ:

— Все равно, пятнадцать су страшно дешево... Если бы я былъ въ Ларашѣ, я бы взвѣтилъ цѣны.

— Для чего? — спрашиваетъ Барклея. — Вѣдь говорить же вамъ, что женщина большаго не стоитъ!

— Это зависитъ... Во время плаванія не стоить быть скучнымъ... А, впрочемъ, что вы меня морочите: какъ будто бы вы сами придерживаетесь этой цѣны... Вы, такъ же какъ и всѣ мы, не разъ и не два просяживали все свое жалованье на ничтожнѣйшихъ женщинъ!.. Вотъ, вѣтати, д'Эстанъ спускается съ вахты; спросите-ка у него, сколько ему стоилъ его Тулонскій верблюдъ прошлой зимой?

д'Эстанъ, маркизъ, обладатель многомилліоннаго состоянія, неизвѣстно почему предпочитающій незаметную и скромную службу офицера на одномъ изъ военныхъ судовъ республики ничего не дѣлалю въ своемъ Парижскомъ дворцѣ, охотѣ въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ на Мозель, или прогулкамъ на собственной паровой яхтѣ, д'Эстанъ улыбнулся:

— Мой маленький Тулонскій верблюдъ мнѣ стоилъ очень недорого. Даже слишкомъ недорого! Я бы, вѣроятно, больше ее цѣнилъ, если бы она ставляла дороже себѣ платитъ! Барклея не правъ! Даже на нашемъ огодѣломъ, какъ трапистскій монастырь, «Са-Ира» я бы не платилъ по пятнадцать су за женщину. Нѣтъ, я скорѣй заплатилъ бы за право не покупать женщины, какъ мнѣ уже приходилось дѣлать раньше... и не разъ...

— Расскажите, д'Эстанъ! Это помѣшаетъ нашему чудачку Верлю въ пятый разъ перечитывать свое раздушенное писемло.

— Согласенъ! Пусть слушаютъ ты, кому нечего дѣлать. Въ прошломъ году я служилъ въ Парижѣ, въ военномъ министерствѣ, секретаремъ одной изъ комиссій. Въ одинъ прекрасный іюньскій вечеръ я вышелъ изъ министерства и пошелъ пѣшкомъ по улицѣ Руааль. У моднаго магазина Вейля я столкнулся съ вышедшей изъ его дверей женщиной. Я остановился, чтобы попросить прощенія, и съ удивленіемъ замѣтилъ, что несчастливая содрогается отъ рыданій... Это была хорошенькая дѣвочка, лѣтъ двадцати, блондинка, изящно одѣтая.

— Что съ вами, бѣдная дѣвочка? — съ участіемъ и безъ всякой задней мысли спросилъ я.

— Что?.. Какъ вы смѣете?.. Кто вамъ далъ право называть меня «бѣдной дѣвочкой»?..

Я вспомнилъ тогда, что нахожусь передъ животнымъ изъ очень дугливой породы, и поторопился исправить свою ошибку.

— Простите, мадемуазель! Тысячу извиненій!.. Такъ несправедливо видѣть, какъ плачутъ красивыя глаза!.. Мнѣ невольно захотѣлось облегчить вашу горе.

Она пожала плечами, нѣсколько успокоенная. Слово за словомъ, я узналъ всю ея исторію: она служила манекеномъ у Вейля; начался мертвый сезонъ для портныхъ, и Вейль сократилъ штатъ своихъ служащихъ. Она отутлилась на панелю съ капиталомъ въ одинъ су въ карманѣ.

Рассказывая про свое горе, она наполовину утѣшилась. Теперь она смѣялась смѣхомъ беззаботнаго ребенка.

Я рискнулъ пригласить ее:

— Мадемуазель! Согласились ли вы отобѣдать со мной?... — по товарищески, разувѣтоса!..

Она снова стала на дыбы и возмущенно сказала:

— О, нѣтъ! Я хорошо знаю эти «товарищескіе» обѣды. Не на таковскую напали!.. Проходите!..

Я облекся въ броню невозмутимой серьезности и оскорбленной невинности:

— Вы, очевидно, не разсмотрѣли меня: я въ такой же мѣрѣ способенъ сдѣлать приписываемую вамъ мнѣ гнусность, какъ... броситься въ Сену... Я пригласилъ васъ потому, что я одинокъ, потому, что мнѣ скучно; потому что мнѣ больно было видѣть, какъ вы плакали только что... Подъ словомъ «обѣдать» я понимаю обѣду и только!.. Конечно, если бы вы захотѣли, послѣ обѣда я повезъ бы васъ въ Булонскій лѣсъ или въ театр... но ровно въ полночь я доставилъ бы васъ до дверей вашего дома и попросилъ бы съ вами... Теперь вы поняли меня?... Согласны ли нѣтъ?..

Она сразу притихла, смущенно прошептала «согласна» и взяла меня подъ руку.

Черезъ полчаса мы сидѣли въ отѣльномъ кабинетѣ хорошаго ресторана. Метръ д'отель и лакей во фракахъ смуглили ее. Повидимому, она въ первый разъ обѣдала въ такой обстановкѣ. Я поставился не смущать ее изысканностью меню; заказавъ перепелокъ и бутылку Шамбертена; ни трюфелей, ни шампанскаго. Она скоро освоилась и начала болтать. Ее маленькая первобытная душа напоминала садикъ при загородныхъ домикахъ Пасси или Отвилля: горизонтъ не широкій, но много зелени и цвѣтовъ. Съ этой дѣвочкой было уютно сидѣть.

Короче. Дессертъ, кофе, традиціонный анисовый ликеръ. Пудритесь. Я предлагаю прокатиться въ роскошномъ экипажѣ и доѣхать кушать мороженое въ шикарный ресторанъ. Она предпочитаетъ... угадайте, что? Театръ Штетелъ!.. Его грандіозные афиши извѣщаютъ о дивномъ пятномъ представленіи какой-то лдіотской фееріи. Мы поспѣшно отправляемся, чтобы не «прозвѣвать начала». Не морщась, я высиживаю всѣ семь дѣйствій и тридцать картинъ. Въ театрѣ душно, какъ въ печѣ. Пыль стоитъ столбомъ отъ непрерывно гадопирующихъ по сценѣ кавалькадъ. За то всю жизнь я не слышалъ болѣе искренняго смѣха и не видѣлъ такихъ радостныхъ, сияющихъ глазъ!..

Занавѣсъ. Уходимъ. Наемный извозчикъ. Моя спутница, какъ и слѣдовало ожидать, живѣтъ на ружейный выстрѣлъ дальше чертовыхъ куличекъ!.. Въ теченіе трехъ четвертей часа мы сидѣли рядомъ въ темномъ трясущемся фиакрѣ. Дѣвочка не смѣялась и не говорила. Вы сами понимаете, что я старался не прикасаться къ ней. На подорожѣ, она, какъ будто невзначай, вложила свою руку въ мою. Я не пожалъ ее.

Наконецъ мы пріѣхали! У дома недурной видѣ. Дверь открылась послѣ перваго же звонка.

Тогда случилось то, что предвидѣли вы и я съ самаго начала... Мой манекенъ повернулся, взглянулъ мнѣ въ глаза, улыбнулся и, вмѣсто «прощайте», прошепталъ «идемте!»..

И рѣзко покачалъ головой:

— Нѣтъ!..

Она раскрыла ротъ отъ удивленія:

— Какъ, вы не хотите?..

— Нѣтъ, дѣточка, не хочу!.. То, что я вамъ сказалъ, когда мы познакомились — было сказано серьезно. Мы пообѣдали по-товарищески: такъ было условлено... но по-товарищески, а не какъ новобрачные... Нѣтъ, до свиданія!

Она не вѣрила своимъ ушамъ. Вдругъ у ней мелькнула странная мысль:

— О! — говорить, — можетъ быть, вы думаете, что я... не тронута... изъ-за того, что я вамъ сказала при встрѣчѣ?... Это неправда!.. у меня уже были... друзья!.. Идемте, не бойтесь! Клянусь честью, она зарѣзалась, какъ вишня! Я взялъ ее дрожащую холодную ручку и почтительно поцѣловалъ:

— Конечно, я беспокоюсь и беспокоюсь вдвойнѣ послѣ того, что вы имѣли мужество мнѣ сказать! Сегодня я долженъ вернуться домой... вернуться въ одиночествѣ!.. Возьмите этотъ конвертъ. Въ немъ мое имя и адресъ... Мы еще увидимся! Мы больше не встрѣтимся... Въ конвертѣ я вложилъ только тысячефранковый билетъ.

— Какъ видите, въ этотъ разъ я далъ пятнадцать су и не взялъ женщины. Кто посмѣетъ сказать, что я нехо поступилъ?..

КЛОДЪ ФАРРЕРЪ.

Требуется специалистъ по развѣскѣ чая. Предложенія подъ № 4213, въ котору, «Сегодня».

* Су = 2 коп. золотомъ.